

Нагешга Лигвали

ДВА РАССКАЗА

ПЕПЕЛ

Начало вроде было, да не шибко интересное. Начало как начало. Дымился камень, бурлил воздух, жженым сладковатым маревом стелился над городом.

«Торф», — говорили взрослые.

«Торф», — вторили дети.

В городе торфа никто отродясь не видел и не знал, как он выглядит.

Она шагала, ноги перехлестом, крест-накрест ставя — правую перед левой, левую перед правой. Каблуки вминались в черное тесто асфальта. Под коленкой — синяк. Лак на волосах плавился, плакала тушь.

Он, колючий, шершавый и мокрый, дорожным ветром взлохмаченный, подбежал и завязал разговор:

— Ты!

— Что?

— То есть вы! Я иду за вами — за тобой — от самого караоке. Чтобы предложить тебе, то есть вам, любовь до гроба.

И достал садовый нож.

Она отщипнула с ресницы комочек туши, сдула.

— Только, пожалуйста, не здесь. Тут липко.

В «Макдональдсе» было суше, глаже и гаже, зато прохладнее.

— Я актриса дубляжа. Моим голосом говорит Шарлиз Терон, но она не живет моей жизнью и не страдает моими невротами. Она жаловалась, что ее хватал за ляжки какой-то продюсер. Я многое могла бы ей рассказать, но если опубликую всю правду в своем Инстаграме, то об этом прочтут только два убогих наркомана, один из которых, возможно, уже давно умер.

— Я отрубая деревьям пальцы и приматываю их скотчем к другим деревьям. Они по глупости своей срастаются и забывают, откуда

пришли. Я создаю страшных, но по-своему прекрасных монстров. Особенно я люблю разрезать кактусы, потому что они нежные и мягкие внутри.

Торф.

Днем они сидели на полу, вертя головами вслед за вентилятором, и падали без воздуха и мыслей на серые простыни. Изредка проводывали холодильник, чтобы нырнуть лбом в его студеное утро. Кожа успела забыть, что такое одежда, и им обидно было оттого, что она не забыла раньше.

— Я выведу в честь тебя розу и назову ее Шарлиз.

— И пусть она будет ржавая, как кузов твоей машины, и пусть никому не нравится, кроме тебя.

На улицу они выходили, когда над пепельным городом гас свет, и гарь становилась невидимой глазу, но липла к коже, как и прежде.

Торф.

Чем все закончилось, тоже хорошо известно. Рано или поздно должен был подняться ветер. Открылись окна, замер вентилятор, валявшаяся на полу одежда оказалась как нельзя кстати. У него была футболка с Пикачу и штаны с карманами на коленях, а у нее — только пестрое платье с криво пришитым замком.

— Я пойду торговать своим голосом. Шарлиз Терон нет, но мне предложили озвучить некрасивую сестру Золушки. Впрочем, по голосу этого не скажешь.

— А мне нужно отпилить голову кактусу, вырезать середину и прикрепить голову обратно. Я буду очень занят и сосредоточен.

Ветер бросался в ноги, путался в волосах, свистел и ныл за ушами.

— Оказалось, у нее столько текста. Некрасивая сестра Золушки чуть ли не главная героиня. Она то визжит, то хохочет, то гремит басом. Я чувствую, что скоро потеряю голос.

— Не знаю, зачем я это сделал с кактусом. Мне кажется, ему очень больно.

Небо вывернулось, сжалось и стекло на асфальт.

— Я снова пойду в студию, торговать своим голосом. Слышишь? У меня его почти нет, но мне нужен пуховик, и лучше с капюшоном, а то невозможно...

— Хорошо, что дали отопление. Цветам не так холодно.

А когда ночь съела половину дня, она сказала:

— Я пойду.

В тот же вечер небо продырявилось, и из прорех вывалилась набивка — рваные, серые, на пепел похожие холодные хлопья. Укрылась земля и замолчала.

— Я ошибся. У кактуса все хорошо. Он сросся со своей спиленной макушкой. Что ты там говорила про голос?

ХВОСТ

В то лето ветрами уносило на крыши бездомных собак, и они прибивались к голубиным стаям. Днем ворковали под небом, и вили гнезда, и ловили сверху бросаемые крошки, а по ночам скулили, стараясь голосом достать земли.

Сойдешь вот так с ума, а никто и не заметит.

В то лето мать Лики привела домой за руку сына нотариуса, и тот по бумажке прочитал:

— Уважаемая Лика Аркадьевна, несмотря на то, что вы меня почти не знаете, и виделись мы лишь однажды, когда ваша бабушка переписала все имущество семьи на своего старого кота, но тем не менее я готов предложить вам связать бесповоротно вашу жизнь с моей на взаимовыгодных условиях и надолго, вот пример брачного договора, мой ИНН и паспортные данные, буду, так сказать, очень рад.

Лика посмотрела на свои тапочки с крысиными ушами и сказала:

— Я каждое утро вижу в окне напротив, с какой огненной болью моя соседка собирает на ладони горстку таблеток и сыпает себе в рот. Я каждое утро становлюсь у окна и с ней синхронно принимаю таблетку аспирина, чтобы отнять у нее эту муку. Но она не отдает ее полностью, и теперь у нас одна боль на двоих. У меня по вечерам идет носом кровь, а она улыбается каждый раз, когда меня видит. Мы с ней стали очень близки, но даже эта безымянная соседка не давала мне своих паспортных данных. Они мне ни о чем не говорят. А связать свою судьбу мне и правда пора. А то родственники косо смотрят.

Достала Лика из шкафа моток колючей шерсти, взяла две спицы, быстрые, как слезы, села под окно и принялась вязать.

День вяжет, два — спицы позвякивают: «Цак-цак-цак», — шерстяной язык отрастает, сползает по коленям да по полу змеится. Мать к ней подходит — может, надо чего? А нет, не надо, только пряжи бы еще. Белой, черной и самой фиолетовой, какая есть.

Что вяжет, того и сама не знает. То кафтан о трех капюшонах выходит, то кушак, то сбура. Вяжет месяц, вяжет два. Волосы до лопаток отросли, а спицы ходят, выписывают в воздухе слова на своем остром наречии. Соседка из дома напротив каждое утро к окну подходит выпить свои таблетки, вытряхивает их на ладонь под танец проворных спиц и кивает, кивает в ответ на их немые слова.

Пришла на родительский плач бабка гнутая — проверить, не сглазил ли кто, не наложил ли порчу из любви аль из зависти. Кругами ходила, свечками водила, над воском шептала, под конец плюнула куда-то.

— Девочку вашу обвил кольцами Ананта-шеша, вселенский змей. Отсюда и одеяние с множеством капюшонов — по одному на каждую из змеиных голов. С вас пятьсот рублей. — И забрала у Лики клубок белой пряжи.

Цак-цак-цак.

Пришла подружка с идеальными бровями и черной душой — за вдохновением. Ногти показала, юбку примерила, рассказала, какие все суки на работе, погладила Лику по голове, всплакнула, сделала селфи и забрала у нее клубок черной шерсти.

Цак-цак-цак.

Сын нотариуса пришел, встал под окном и проорал:

— Лика! Ли-и-ика! Я хочу, чтобы вы ни в чем себя не винули. Отец нашел мне невесту, очень милую девушку. Я ее не видел, но отзывы о ней исключительно положительные. В среду мы оформим отношения должным образом и будем счастливы, как никогда.

Выкинула Лика ему клубок фиолетовой шерсти.

Пришла соседка. Принесла еще пряжи.

Вяжет Лика год, вяжет два. Цак-цак-цак. Струится петлями переплетенная пряжа, спадают волосы Лике на плечи, по рукам ее глядят. Уж показался хвостик последнего мотка, нечего скоро будет спицам жадным подхватывать. Обвиваются русые пряди вокруг спиц, перекручиваются с шерстяной нитью, влетают в вязаное полотно. Вяжет Лика судьбу из своих же волос.

Цак-цак.

Через три года замолчали спицы. Вздохнули и улеглись вязаные волны, успокоились Ликины руки. От самой шеи тянется, змеится разноцветный хвост, сворачивается кольцами, касаясь плитусов, по углам собирается складками.

*Шелковая ниточка
К стенке льнет,
Змий-то Ликушке
Робко поет:
«Скажи-ка мне, Ликушка,
Всю правду свою:
Кто тебе, Ликушка,
Из роду мил?»
— Мне милешенек
Родной батюшка.
«Вот это, Ликушка,
Неправда твоя.
Неправда твоя,
Не истинная».*

Ползет конец хвоста к Лике, обнимает ее за щиколотки, оборачивается вокруг коленей, обхватывает бедра, руки прижимает к бокам, сдавливает ребра.

*Шелковая ниточка
К стенке льнет,
Змий-то Ликушку
К сердцу жмет:
«Скажи-ка мне, Ликушка,
Всю правду свою:
Кто тебе, Ликушка,
Из роду мил?»
— Мне мила-милешенька
Родна матушка.
«Вот это, Ликушка,
Неправда твоя.
Неправда твоя,
Не истинная».*

Обвивает вязаный хвост шею, вот-вот поцелуем своим задушит.

*Шелковая ниточка
К стенке льнет,
Змий ту Ликушку
Вот-вот сожрет:
«Скажи-ка мне, Ликушка,
Всю правду свою:
Кто тебе, Ликушка,
Из роду мил?»*

— Мне мил-милешенек...

Повернула Лика голову к открытому окну — а в доме напротив соседка смотрит на нее и плачет.

Поднялся ветер, завыли собаки.

Дура, дура.

Освободила Лика кисть из-под вязаных пут, присела, царапая шерстью колени, дотянулась до кончика хвоста, дернула за нить — и принялась распускать свою судьбу, чтобы дышать хоть можно было. Постукивает пряжа, нехотя освобождается из петель кудрявая нить, под подоконником сбивается облаком.

«Кто тебе, Ликушка,

Из роду мил?»

Соседка открыла окно, высунула голову и увидела, как ветер подхватывает спутанную цветастую пряжу, перекидывает через крышу дома и уносит под лай собак.

